

Ли Джиан Пинг, Е. В. Чернцова

КНР, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Концепты Жизнь и Смерть в русском языке

Пінг Лі Джіан, Чернцова О. В. Концепти Життя та Смерть у російській мові. У статті реконструюється зміст концептів Життя та Смерть у єдності їх семантики й мовних репрезентацій, закріплених у російській лінгвокультурі. В осмисленні культурного фону концептів співвіднесено образні плани російської національної фразеології та поетичної метафори, а також визначено міфологічні, релігійні та соціокультурні витoki образів життя й смерті в російській лінгвокультурі.

Ключові слова: *концепт, поняття, образ, значення, цінність, оцінка, мовна картина світу, метафора, внутрішня форма, міфологема.*

Пинг Ли Джиан, Чернцова Е. В. Концепты Жизнь и Смерть в русском языке. В статье реконструируется содержание концептов Жизнь и Смерть в единстве их семантики и языковых репрезентаций, закрепленных в русской лингвокультуре. В осмыслении культурного фона концептов были соотнесены образные планы русской национальной фразеологии и поэтической метафоры, а также определены мифологические, религиозные и социокультурные истоки образов жизни и смерти в русской лингвокультуре.

Ключевые слова: *концепт, понятие, образ, значение, ценность, оценка, языковая картина мира, метафора, внутренняя форма, мифологема.*

Ping Li Jian, Cherntsova E. V. Concepts of Life and Death in the Russian language. This article reconstructs the concepts of Life and Death in a unity of their semantics and language representations adopted by the Russian culture of linguistics. Trying to understand the cultural background of concepts the figurative schemes of the Russian national phraseology and poetic metaphor have been correlated and the mythological, religious and sociocultural sources of the Life and Death images in the Russian culture of linguistics have also been defined.

Key words: *concept, notion, image, sense, value, valuation, world-wide language pattern, metaphor, inner form, mythologem.*

Современная лингвистика обращается к языку как фонду культурной и исторической памяти. Основной единицей языковой памяти является концепт. Необходимость осмысления сложных соотношений универсальных концептов *Жизнь* и *Смерть*, сопряжения в их содержании архаичных и современных значений связана с общими задачами когнитивистики. Методологические основы исследования связаны с философскими и теоретическими установками антропологической парадигмы в языкознании (работы В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, а также Э. Сепира, Б. Уорфа). Методологическую значимость имеет новая теория концепта и словесного знака, представленная в книге В. В. Колесова «Философия русского слова», а также современная семантическая теория, развиваю-

щаяся в работах лингвистов Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Ю. С. Степанова и др.

Концепты *Жизнь* и *Смерть* не были объектом специального лингвистического осмысления с позиции носителей китайской культуры. Последнее позволяет выявить национально-специфическое содержание универсальных концептов в наиболее репрезентативных языковых средствах, какими являются фразеологизмы, с одной стороны, и поэтическая метафора, с другой.

Цель исследования состоит в выявлении содержания концептов *Жизнь* и *Смерть* в единстве их семантики и языковых репрезентаций, закрепленных в традициях русской лингвокультуры.

В ходе исследования была рассмотрена история средств, репрезентирующих концепты. Данные этимологических и исторических словарей свидетельствуют о том, что в XI–XVII вв. слово *жизнь* было полисемантическим: первое

значение «физиологическое существование всего живого» («бытие, существование вселенной») и «век человека, жизнь (от рождения до смерти)» – неразрывно связано с идеей *вечной жизни*, «потусторонней жизни». Сам факт представления значения «вечная, потусторонняя жизнь» не как отдельного значения, а связанного со значением «физиологическое существование человека» отражает синкретизм религиозных представлений, которые доминировали в XI–XVII вв. и связывали неразрывно загробную *жизнь* и земную [7:5:109]. Из толкования В. И. Даля видно, что *живой* и *мертвый* оказываются противопоставленными только по признаку «жизнь – смерть тела, плоти». *Жизнь* Бога осознается как вечная, *жизнь* души осмысливается как бесплотная *жизнь*, не имеющая *смерти*, бессмертная. Ср.: *Человѣкъ родится на смерть, а умираетъ на животъ, на жизнь* [2:4:233].

В результате анализа данных этимологических словарей, в которых отражено осознание признака «смерть», «мертвый» как родовой характеристики человека – «человек смертный» ([13:21:148]; [11:686]), была осознана внутренняя форма, связывающая значения исследуемых слов с древнейшей оппозицией *жизнь – смерть*. По данным этимологических исследований, эта оппозиция для более древних эпох выглядела как *несмерть – смерть*; *бессмертные – смертные*; *жители неба – жители земли*, т. е. *бессмертие* (вечная жизнь) – *смерть* ([3:75]), а весь класс людей в индоевропейских диалектах характеризовался эпитетами «смертный», «земной» в противоположность «бессмертным», «небесным» богам» [1:475]. Анализ этимологии и истории слов-репрезентантов позволил обосновать внутреннюю форму концептов. Для современного концептуального значения «вечная жизнь» исходным семантическим признаком является древнейшее представление «о бессмертии, вечном существовании Бога», а для концептуального значения «конец земного существования, переход к вечной, духовной жизни» исходным семантическим признаком является древнейшее представление о человеке как о «смертном».

Сопоставление исторических и современных значений слова *жизнь* показало, что актуальный слой семантики концепта тесно взаимосвязан с исторической эпохой и принципиально изменчив, что отразилось в архаизации значений слов *живот* и *житие*. Современный концепт *Жизнь* реализуется в трех основных значениях: «физиологической жизни человека», «социальной жизни человека» (имеющих временные границы) и «духовной (вечной) жизни», а на более

раннем историческом этапе развитие языка и русской ментальности эти значения соответствовали трем лексемам: *живот*, *житие* и *жизнь*. Исторически первичная картина соотношения значений и лексем изменилась в современном русском языке. Большинство современных толковых словарей приводят в качестве первого значения понятийное значение слов *жизнь* и *смерть* – «физиологическое существование человека, животного, растения от зарождения до смерти» и «прекращение физиологического существования». Как представляется, в контексте развития общества эти изменения могут быть связаны с возросшей ролью научного дискурса – биологии и медицины.

На базе семантики слов-репрезентантов было выявлено ядро концептуальных значений «жизнь» и «смерть». Диффузное смысловое поле концепта сгруппировано вокруг ядра, причем значения слов, отражая континуальную семантику концепта, не являются дискретными. Семантика слов отражает *жизнь* человека как сложный феномен, складывающийся из биологической, социальной и духовной *жизни*, не отделимых друг от друга, локализованных во времени и пространстве, наполненных событиями, которые переживаются, характеризуются признаками «движение», «развитие» и т. д. В результате анализа смысловых признаков поля «жизнь» и поля «смерть» в составе лингвокультурных концептов были условно выделены ценностная, образная и понятийная составляющие, существующие в пространстве смыслового континуума.

Несмотря на историческую изменчивость, в русском языке обнаруживается стабильное смысловое поле значения «жизнь», которое соотносится с идеей «человека в вечности» – как неким порождающим началом. Эта абстрактная смыслопорождающая идея проецируется на образ человека земного – существующего во времени и пространстве. Как результат этой проекции концепт *Жизнь* реализуется в трех основных ипостасях абстрактной идеи «бытия»: физиологической, социальной и духовной жизни. Значение «вечная, духовная жизнь» закреплено за религиозными контекстами, в которых получает наибольшую актуализацию, но при этом сквозит и в пословицах, поговорках, поэтических образах, отражающих христианское мировоззрение русского народа (ср.: *Не бойтесь смерти тела – бойтесь смерти духа; Не бойтесь смерти – бойтесь грехов*). *Смерть* же осознается как переход от физиологической и социальной жизни к духовной, вечной, не имеющей временных границ. Поэтому, несмотря на атеистическое миро-

воззрение предшествовавшей исторической эпохи, несмотря на отсутствие четко выделенного значения «вечная, духовная жизнь» в толковых словарях, языковые выражения *вечная жизнь души, жизнь духа, бессмертие души, бессмертие, бессмертный* и подобные сохранили свое концептуальное значение и в современном языке.

Поскольку содержание концептов *Жизнь* и *Смерть* соотносимо со значениями соответствующих лексико-семантических парадигм, то нами были проанализированы значения 295 лексем, входящих в словообразовательную парадигму с корнем *-жи-*, и 109 лексем с корнем *-мер-/мор-*, представленные в словообразовательном словаре русского языка А. Н. Тихонова. Семантика слов-имен *жизнь* и *смерть* обладает максимальной степенью абстрактности, обобщая и отражая понимание и толкование явлений. Более конкретная семантика производных слов формирует в русской языковой картине мира диффузное смысловое поле значений «жизнь» и «смерть», которое было условно представлено как проекция данных разных дискурсов. Научный дискурс медицины и биологии проецирует физиологическую ипостась *жизни* и *смерти* (термины: *вживить электрод в мышцу, прижизнить ткани, живосечение* и др.), мифологический дискурс (*ожить, оживать, бессмертный, бессмертие* и др.) и обыденный дискурс отражают жизненную философию народа и синтезируют дохристианские и христианские взгляды о *жизни* и *смерти* (ср. слова *смерточка, смертушка, смертынька*, в коннотациях которых отражается «примирительное» отношение к феномену *смерти*).

На материале фразеологии и поэтической метафоры были реконструированы мифологические представления о *жизни* и *смерти*. Представление о «вечной жизни» существует как коллективное бессознательное, воссоздающееся и проявляющееся в языковых выражениях, в народной культуре, в частности в традиционном объяснении факта рождения ребенка – «нашли в капусте» или «аист принес», где пресуппозитивно присутствует смысл «вечного существования ребенка». О сохранении в коллективном бессознательном элементов архаичного мировосприятия свидетельствует аксиологический план отношения к *смерти*. Особенно ярко это проявляется в отношении к умершему (*Покойника не поминай лихом!*); к самому акту погребения, к месту погребения, к возможности общения с умершим. В своей основе такое отношение является архетипичным. Вопрос о *жизни* после *смерти* К. Г. Юнг рассматривает как один

из главных и связанных с архетипом Самости – «человеком в вечности» [14:392]. Коллективное бессознательное фиксируется в языковой картине мира русского языка, а истоки лингвокультурных концептов, к которым относятся концепты *Жизнь* и *Смерть*, лежат в мифологических, религиозных, национально-традиционных представлениях и образах и связаны с культурой общества и его историей.

В результате анализа русского языкового материала был сделан вывод о том, что мифологический дискурс обнаруживает себя как база поэтического и обыденного (паремиологического) дискурсов. Мифологические представления о *жизни* и *смерти* являются внутренней формой и создают культурные коннотации современных слов и выражений языка и в этом статусе зафиксированы в русской языковой картине мира. В прямом или трансформированном виде мифологические представления о *жизни* и *смерти* содержатся в современном осмыслении концептов *Жизнь* и *Смерть*. Ими обуславливаются главные культурные коннотации и содержательные признаки *жизни*: «сила», «рост», «рождение», «продолжение рода», «развитие», «движение», «свет», «теплота», «обновление», «возрождение», «временная протяженность физиологической жизни», «вечность духовной жизни, не имеющей временных границ» и др., а также поэтические образы *жизни*: огонь, заря, свеча, лампада, факел; река, поток, водоворот добра и зла; и др. В свою очередь, культурные коннотации *смерти* формируют такие содержательные признаки: «конец жизни земной, физиологической и начало новой жизни» (ср.: поэтические образы *новоселье в гробу* (Сологуб), *новоселье в свежевыкопанном рву* (Ахматова), *новоселье гроба* (Пушкин); «уход в иной мир» (*уйти/уходить/уход из жизни; уйти в мир иной, покинуть этот свет*; пословицы: *Тебе, телу, во земле лежать, а мне, душе, на ответ идти; Что припасла душа, то и на тот свет понесла*); «путь, дорога туда» (*На тот свет отовсюду одна дорога*); «исчезновение-утрата» (*потерять родителей; лишиться кормильца* и др.). Эти значения реализуются в образах сна, дремоты, забытья (*уснуть вечным сном; почить вечным сном; спит как убитый; спать мертвым сном*); слепоты, мрака, мрачности, мглы, ночи (ср.: *Смерть ни на что не глядит; Смерть слепа любуется; Свет из очей выкатился; Ясны очи закатились; Померк свет в очах*) и др. Образная составляющая концептов складывается из концептуальных метафор, отражающих национальный образ мышления. Самая общая и частотная концептуальная метафора *жизнь* – *путь*

(выбрать жизненный путь, идти по жизни) и смерть – путь (ср.: путь окончен; уйти из жизни, окончить свой жизненный путь, проводить кого-либо в последний путь).

Анализ языковых проекций религиозных, мифологических и социокультурных представлений о *жизни* и *смерти* носителей русского языка позволил реконструировать закрепленную в русской языковой картине мира религиозную модель представлений русского человека о *жизни* и *смерти*, которая реализуется в системе образов Бога, греха, молитвы, вечной жизни и др. Эти образы синтезированы языком и наряду с мифологическими образами (*путь – дорога, свет – тьма* и др.) сосуществуют как неслиянные и нераздельные части единого целого, как внутренняя форма и значение языковых выражений. Эти особенности на фоне сравнения с китайским языком и составляет национальную специфику концептов *Жизнь* и *Смерть*.

В русской лингвокультуре концептуальная семантика как способ осмысления и толкования феномена представляет *жизнь* вообще и *жизнь* каждого конкретного человека в качестве величайшего дара, блага, источником которого является Бог (*Бог дал живот, даст и здоровье; Жизнь дает один только Бог, а отнимает всякая гадина; Бог дал – Бог и взял; Жив Бог – жива душа моя*). С главной оценкой *жизни* как дара, как ценности коррелирует зафиксированный в паремиях христианский взгляд на самоубийство, которое воспринимается как вызов Богу, как нарушение обычного жизненного круговорота, как большой грех. Слабая выраженность феномена самоубийства в языковом плане связана с табуированностью данной темы в русской культуре. Китайская культура в этом вопросе демонстрирует прямо противоположную оценку: с точки зрения буддизма и даосизма, самоубийство – это героический поступок.

В отличие от достаточно схематизированного «трезвого» взгляда на *жизнь* и *смерть*, представленного в обыденном дискурсе, элитарный русский литературно-философский дискурс расширяет ценностный аспект *жизни*. *Жизнь*, лишенная духовного развития, самосовершенствования, свободы выбора того, что является ценностью для человека, образно приравнивается к *смерти*, к потере *жизни*, к остановке *жизни*, несмотря на биологическое продолжение *жизни*. В этих употреблении сквозит исторически первичное значение слова *жизнь* – «вечная, духовная жизнь». В русской культуре противопоставляются *жизнь* духовная *жизни* физиоло-

гической, жалкому существованию, прозябанию, выживанию.

Рассмотренные фразеологические единицы представляют характеристику *жизни* как способов действия/бездействия человека, а впаивая в их значение оценка проявляет систему жизненных правил и предписаний, сложившихся в русской лингвокультуре. *Жизнь* в русской лингвокультуре представлена как ценность по ее наполненности смыслом, содержанием (ср. коннотации выражений: *дело жизни, цель жизни, смысл жизни, содержание жизни* и др.). Бессмысленная *жизнь* оценивается крайне негативно. *Жизнь*, прожитая с умом, оценивается в русской лингвокультуре положительно, вызывает уважение. Если же она бестолкова, она вызывает лишь насмешки (*Так они и жили – дом продали, а ворота купили*).

В речи проявляются различные оценки *жизни* (*бедная – богатая, легкая – нелегкая, сладкая – горькая, обеспеченная – нищенская, красивая и т.д.*). Однако ироническая стилистическая окраска выражений (*красивая жизнь; не жизнь, а малина; Живут – как сыр в масле катаются; Живут как у Христа за пазухой*) свидетельствуют о негативной оценке *жизни*, посвященной накоплению материальных ценностей.

Для русской лингвокультуры (в сравнении с китайской) национально-специфическим содержанием является христианская модель представлений о *смерти* как основе нравственной *жизни*, понимание роли страха *смерти*, который должен выполнять сдерживающую функцию: удерживать людей от греха, дурных поступков. Христианские по содержанию рассуждения русского народа о грехе, о Боге, о Страшном Суде, о том, что нельзя грешить в *жизни*, что все мысли о *смерти* нужны для того, чтобы *жить* более праведно, легли в основу многих русских пословиц и фразеологизмов (*Смерть по грехам страшна; Не бойся смерти, бойся грехов! Бойся жить, а умирать не бойся!*). Для языкового обозначения концепта *Смерть* используются единицы речи, принадлежащие к разным стилям. В русском фразеологическом материале как следствие отражения христианских взглядов на *Смерть* доминирует книжный регистр речи. В высоком стиле задается содержание соответствующих фразеологизмов (*почить, отправиться к праотцам, покинуть белый свет, отойти в мир иной, испустить дух, отдать Богу душу и др.*). Они нагружены «идеологически» и выявляют культурно-национальную коннотацию «умереть кончиною мирною, христианскою». Подобные идиомы употребляются в отношении

добропорядочных, верующих людей, а сама идея христианской, праведной *смерти* связана с покаянием, отпущением грехов и представлена в русской лингвокультуре как естественная и желанная. В русской лингвокультуре люди с разными типами сознания (религиозное – нерелигиозное) осмысливают феномены *жизни* и *смерти* по-разному.

Соответствующие темы реализуются в русской фразеологии также в ином регистре – разговорно-просторечном. Особенностью этого регистра является непрямой способ наименования, в основе которого обнаруживается ироническое отношение к самому факту *смерти*, своего рода «бравирование», пытающееся преодолеть социально-психологическое табу, связанное со страхом *смерти* (*дать дуба, протянуть ноги, сыграть в ящик*, а также пословицы – *Не страшна мертвому могила; Двум смертям не бывать, а одной не миновать*). В русском быденном дискурсе наблюдается уклонение от прямого именования *смерти* и обсуждения этой темы. Как следствие эта тема получает богатую образную разработку. В китайской лингвокультуре тематика *смерти* табуируется: китайцы избегают произносить даже слова, омонимичные со словом *смерть*.

Элементами смысловой структуры лингвокультурного концепта *Смерть* являются: неподконтрольность и неизбежность *смерти*; уравнительность *смерти*; предопределенность *смерти*; способы *смерти* (умирания); оправдание *смерти*; страх *смерти*. Анализ лингвистического материала позволил выделить четыре содержательные категории *смерти*: естественная *смерть* (как следствие старости); внезапная *смерть*: а) как следствие болезни; б) в результате несчастного случая; самоубийство; насильственная (вызванная, спровоцированная) *смерть*.

Важными для понимания концепта *Жизнь* параметрами, которые достаточно подробно разработаны в русской языковой картине мира,

являются следующие: подконтрольность/неподконтрольность *жизни* и предопределенность/непредопределенность *жизни*. Во фразеологическом материале *жизнь* представлена как нечто «безличное», пассивное, в отличие от *смерти*, которая воплощается в персонифицированном образе (обычно старухи или скелета), приходящем за человеком (*смерть с косой, дыхание смерти; Смерть стоит за плечами*). В русской и китайской лингвокультуре обнаруживается сопоставимая каузативная модель: Бог (небо) – *судьба* – *жизнь* человека. При этом китайцы в большей степени фаталисты, чем русские. Нередко и в русском, и в китайском языке понятие *судьбы, рока* ассоциируется со *смертью*.

Проведенное исследование позволило сделать следующее обобщение:

Концепты *Жизнь* и *Смерть* семантически не противопоставлены друг другу, а толкование каждого из соответствующих слов осуществляется взаимной отсылкой. Смысловые пространства *Жизни* и *Смерти* в русской лингвокультуре формируют единый концепт, объемлющий две неслиянные и нераздельные части. Эта особенность отражается в паремийном дискурсе (*Не на живот рождаемся, а на смерть; Что не родится, то и не умирает*).

Национально-культурная специфика русских концептов *Жизнь* и *Смерть* была осознана на базе сравнения с китайским языком и китайской культурой. Внутренние формы русских и китайских концептов различаются, отражая ментальные различия народов: русский концепт *Жизнь* метафизичен, а китайский эмпиричен, хотя в целом в русской и китайской лингвокультурах система мифологических образов *жизни* и *смерти* сходна.

В целом проведенное исследование подтверждает неocenимую значимость лингвокультурного аспекта когнитивной семантики в преподавании языков, связанных с культурой разного типа.

Литература

1. Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. — Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. — 1320 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. — М. : Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1955. — Т. 1 : А—З. — 1955. — 699 с. — Т. 4 : Р—Я. — 1955. — 683 с.
3. Иванов Вяч. Вс. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период) / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. — М. : Наука, 1965. — 246 с.
4. Потебня А. А. Миф и слово / А. А. Потебня // Слово и миф. — М. : Правда, 1989. — С. 256—270.
5. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня // Слово и миф. — М. : Правда, 1989. — С. 17—201.
6. Потебня А. А. О доле и сродных с нею существах / А. А. Потебня // Слово и миф. — М. : Правда, 1989. — С. 472—516.

7. Словарь русского языка XI—XVII вв. : в 25 т. — М. : АН СССР, Институт русского языка. — 1978—2000. — Вып. 5 (Е — ЗИНУТИЕ). — 1978. — 392 с. — Вып. 25 (СКОРЫНЬЯ – ШУЛЫЙ). — 2000. — 273 с.

8. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка / И. И. Срезневский — СПб. : Типография императорской академии наук, 1893—1903. — Т. 1 : А—К. — 1893. — 1420 с. — Т. 3 : Р—Я. — 1903. — 1683 с.

9. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. ок. 145 000 слов / А. Н. Тихонов. — М. : Рус. яз., 1985. — Т. 1. Словообразовательные гнезда. А—П. — 1985. — 856 с. — Т. 2. Словообразовательные гнезда. Р—Я. — 1985. — 886 с.

10. Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения / [гл. ред. Складаревская Г. Н.]. — СПб. : Фолио-Пресс, 1998. — 700 с.

11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. — М. : Прогресс, 1986—1987. — Т. 2 : Е—МУЖ. — 1986. — 671 с. — Т. 4 : Т—ЯЦУР. — 1987. — 863 с.

12. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П. Я. Черных. — М. : Рус. яз., 1999. — Т. 1 : А—ПАНТОМИМА. — 1999. — 624 с.

13. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / [под ред. акад. О. Н. Трубачева]. — М. : Наука, 1990—1994. — Вып. 17. — 1990. — 272 с. — Вып. 21. — 1994. — 236 с.

14. Юнг К. Г. О жизни после смерти / К. Г. Юнг // Воспоминания, сновидения, размышления. — М. : ООО «Изд-во АСТ—ЛТД», Львов: Инициатива, 1998. — С. 363—396.